

ВЕСТНИК

ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал выходит шесть раз в год.

Основан в 1997 г.

ИСТОРИЯ.
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

II: 97
ноябрь
декабрь

Москва 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

- БЕЖАНИДЗЕ Г. В.**
Две версии средневековой модели «симфонии» церковно-государственных отношений 9
- ПАШКОВ Д. В.**
Пентархия патриархатов при императоре Юстиниане I: предпосылки. 23
- ИЗOTOVA O. H.**
Пять патриархов в «Хронографии» прп. Феофана Исповедника 40
- КОРЗО М. А.**
Некоторые замечания об источниках униатского богословия рубежа XVII и XVIII вв.: к 300-летию Замоиского собора 1720 г. 53
- АНДРЕЕВ А. Ю.**
Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX — начала XX в. 68
- БАЛЫКО Т. А.**
Формирование предпосылок обновленческого раскола в среде либерального дворянства и духовенства Орловской губернии в 1900–1917 гг. . . . 94
- МАРЧЕНКО А. Н.**
Вооруженная защита святыни как форма церковного сопротивления советской власти на примере штурма подворья Белогорского монастыря Пермской епархии в феврале 1918 года 108
- КОВЫРЗИН К. В.**
«Пагубная измена Церкви»: вопрос о «церковном большевизме» в деятельности Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. 120
- ОЗМИТЕЛЬ Е. Е.**
Архиерей-послушник для Туркестанской епархии (к вопросу о назначении митрополита Никандра (Феноменова) на Ташкентскую кафедру в 1927 году). . . . 137

ПУБЛИКАЦИИ

- АСТАФЬЕВ В. В., КРЕСТЬЯНИНОВ А. В.**
(Публ., вступ. ст., коммент.)
«Увещевания к старообрядцам» приходского священника В. Я. Смелова 159

Вестник ПСТГУ.
Серия II: История. История Русской
Православной Церкви.
2020. Вып. 97. С. 68–93
DOI:

Андреев Андрей Юрьевич,
д-р ист. наук,
проф. кафедры истории России XIX века —
нач. XX века
Исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119192,
г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп.4;
вед. науч. сотрудник лаборатории социально-
антропологических исследований,
Факультет исторических и политических наук,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050,
г. Томск, пр. Ленина, 36
andrv@hist.msu.ru
ORCID: 0000-001-7075-6637

МОБИЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРОВ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX — НАЧАЛА XX В.*

А. Ю. АНДРЕЕВ

Аннотация: Статья посвящена исследованию общей и актуальной проблемы в истории российских университетов — профессорской мобильности, т. е. переездам профессоров между университетами Российской империи в ходе их академической карьеры. Данный процесс исследуется на всем протяжении существования системы российских университетов вплоть до 1914 г. Территориальный охват работы включает все университеты Российской империи, подведомственные Министерству народного просвещения и подчинявшиеся сходному законодательству, что обеспечивает единое представление о них как об университетской системе. Для максимально полного и детального исследования мобильности на основе полной просопографической базы данных о российских профессорах была составлена вспомогательная база данных, собравшая сведения о тех из них, кто переходил из одного университета в другой. Данные о 522 таких профессорских переходах анализируются с помощью графиков и таблиц. Выявлена общая динамика процесса, которая позволила доказать, что в конце XIX — начале XX в. мобильность являлась существенным и весьма распространенным явлением для карьеры университетского профессора в России. Показана роль, которую мобильность играла при получении приват-доцентами свободных профессорских кафедр. Обнаружен и обратный процесс, когда профессора переходили в другой университет на должность приват-доцента, компенсируя утрату статуса другими возможностями научно-образовательной системы. Также построено распределение переходов между конкретными университетами, выявлены пары, между которыми эти переходы были особенно

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РНФ проекта 18–18–00121 «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII в. — начало XX в.)».

частыми, установлены университеты, лидирующие по количеству уехавших оттуда профессоров, и напротив — университеты, куда переезжало значительное количество ученых. Рассмотрены также цепочки переездов, которые могли достигать трех или четырех перемещений между университетами. На основании такого анализа сделан вывод о присутствии нескольких типов — «отправных», «пересадочных» и «конечных» университетов в Российской империи. Вычислена средняя продолжительность пребывания профессора в должности до перехода в другой университет; исходя из ее общего распределения показаны различные группы причин, стимулировавших к смене места как молодых, так и возрастных ученых.

Ключевые слова: российские университеты, профессора, академическая мобильность, переходы, базы данных, просопография, динамика.

Сформировавшаяся в XIX в. система университетов Российской империи не раз становилась предметом комплексного исторического исследования на различных отрезках своего существования. Подробно изучался ее генезис, связь с европейскими моделями высшего образования, формирование и развитие профессорских корпораций, политика государства по отношению к университетам и их преобразованию в XIX — начале XX в., студенчество как социальное явление, роль университетов в структуре российской высшей школы в целом, влияние университетов на городскую среду и т. д.¹ Нарастающий на протяжении последних 30 лет интерес историков к систематическому исследованию дореволюционного университетского образования свидетельствует о том, что его опыт осознается как актуальный и востребованный в свете современного состояния российской высшей школы и проходящих здесь перманентных реформ.

В то же время целый ряд аспектов университетской системы Российской империи и явлений, с ней связанных, еще не исследован должным образом. Сюда, безусловно, следует отнести и «академическую мобильность». Этот термин употребляется сейчас в мире преимущественно для обозначения перемещений студентов между университетами как внутри одной страны, так и между странами, однако его важной составной частью является также и перемещение преподавательского состава университетов. Последнее и служит предметом изучения в данной статье. Собственно говоря, именно переходы профессоров и

¹ Щетинина Г. И. Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976; Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985; Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М., 1991; Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX века. М., 1993; Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–4. М., 2002–2003; Гришунин П. В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820–1880-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009; Университет и город в России (начало XX века). М., 2009; Андреев А. Ю., Посохов С. И. (общ. ред.) Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX в. М., 2012; Посохов С. И. Университет и город в Российской империи. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. Харьков, 2014, и др. Более подробный историографический обзор см.: Грибовский М. В. Дореволюционный российский университет в современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2019. Т. 64. № 1. С. 192–210.

преподавателей между различными университетами Российской империи служат ярким доказательством того, что эти университеты действительно образуют единую систему, а не просто совокупность отдельных, изолированных друг от друга учебных заведений со сходным статусом. Изучая эту мобильность, можно внести новые черты в социально-исторический облик дореволюционного профессора, по-новому взглянуть на значение различных этапов его академической карьеры и даже на самосознание ученого, для которого оказывается важным не только его связь с конкретным университетом, но и представление о российских университетах как о *едином целом*.

Необходимость детального изучения профессорской мобильности в Российской империи подчеркнула еще в 1998 г. немецкая исследовательница Труде Маурер в уже ставшей классической монографии, посвященной социальной истории российских университетов². Рассматривая, как затрагивается эта тема в новейших работах, отметим плодотворные попытки выстраивания развернутого нарратива, относящегося к анализу перемещений профессоров из одного университета в другой. Так, М. В. Грибовский, изучая в целом динамику численности профессоров в российских университетах конца XIX — начала XX в., обращает внимание на их мобильность, проводит анализ расстояний между университетами, стоимости переезда, а далее разбирает ряд примеров, которые показывают причины такого перемещения, характерные черты того, как ученый попадал на профессорские должности или как он их покидал, в зависимости от региональных особенностей³.

Тем не менее только конструирование нарратива — иначе говоря, рассмотрение отдельных случаев, связанных с переездами профессоров из университета в университет, — не может разрешить проблему анализа профессорской мобильности в целом. Отдельные рассказы, пусть даже яркие и характерные сами по себе, еще не гарантируют полноты описания или даже его репрезентативности. Так, например, важным именно в плане изучения профессорской мобильности источником служат воспоминания В. И. Модестова, который за свою университетскую карьеру читал лекции в четырех университетах: Казанском, Св. Владимира (Киев), Санкт-Петербургском и Новороссийском (Одесса). Модестов подчеркивал значение внутренних конфликтов в среде отечественных профессоров, из-за остроты которых те зачастую вынуждены были выходить в отставку или менять университет. В этом смысле им наиболее критично охарактеризована профессорская корпорация в Киеве, которая уже с первого своего посещения заставляла задуматься о перспективах смены места. «Вместе со мной, — пишет Модестов, — присутствовал также в первый раз в заседании перешедший из Москвы в Киев профессор астрономии Б. — “Что это такое здесь делается?” — обратился он ко мне с вопросом, который вертелся и у меня на языке. Он на другой

² Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 236–241; см. также отрывки из данной книги, переведенные на русский язык в сборнике: Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.

³ Грибовский М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. — февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. С. 192–202.

же или на третий день уехал обратно в Москву и уже больше не возвращался в Киев»⁴.

В связи с такой характеристикой напрашивается вывод, что для университета Св. Владимира в Киеве в наибольшей мере характерна сменяемость кадров на профессорских должностях, которые замещались на короткие сроки (а сам В. И. Модестов «продержался» здесь семь с лишним лет, с 1869 по 1877 г., но все же уехал в Петербург после череды корпоративных скандалов). Однако такой вывод не станет научным и обоснованным до тех пор, пока не будет подкреплен конкретными *количественными* данными. Сколь бы понятной и убедительной ни казалась картина, нарисованная в источнике, субъективность содержащихся в нем оценок очевидна (Модестов явно писал воспоминания с позиции «пострадавшей от университета» стороны), а потому нет никаких оснований доверять этой картине *априори*, без попыток проверить ее на других источниках.

В этом смысле отрадно отметить, что в последние годы в историографии, посвященной российским университетам, наметился своего рода «цифровой поворот», когда все большее количество исследований создается на основе обработки баз данных, охватывающих значительные хронологические отрезки. Как правило, речь идет о просопографических базах данных, где содержится набор номинативных или количественных характеристик, извлекаемых из индивидуальных биографий, что позволяет при их совместном статистическом анализе создавать «коллективный портрет» — в данном случае для университетской профессуры Российской империи. Одной из важных пионерских работ здесь выступила статья М. В. Лоскутовой, основанная на просопографической базе данных профессоров и преподавателей нескольких факультетов Санкт-Петербургского и Казанского университетов за 1855–1894 гг.⁵ В последние годы опубликованы работы Е. В. Ивановой, Т. В. Костиной, А. В. Куприянова, Е. А. Ростовцева, посвященные исследованию баз данных по профессорам университетов⁶.

⁴ Профессор В. И. Модестов. Воспоминания, письма. М., 2014. С. 62.

⁵ Лоскутова М. В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в.: сб. статей / отв. сост. А. Ю. Андреев, отв. ред. А. В. Доронин. М., 2009. С. 183–221.

⁶ Иванова Е. В. Что может дать единая база данных по профессуре дореволюционной России исследователям академической мобильности // Социология в действии — 2014: Избранные материалы VI социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / отв. ред. М. Р. Демин. СПб., 2014. С. 131–141; Она же. Попытка построения каузальной модели кадровой динамики профессорско-преподавательского состава дореволюционной России // Социология в действии — 2015: Избранные материалы VII социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / отв. ред. М. Р. Демин. СПб., 2015. С. 118–136; Костина Т. В., Куприянов А. В. Рост или отставание? Динамика численности преподавательского состава Дерптского университета (1803–1884) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 31–45; Они же. Кадровая политика попечителей Казанского учебного округа и динамика возрастного состава профессоров Казанского университета в 1804–1884 гг. // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 925–941; Куприянов А. В. От просопографии университетской профессуры

Важной темой для анализа уже в статье М. В. Лоскутовой, а затем и в последующих работах выступила проблема мобильности, однако трактовалась она скорее как географический фактор комплектования ученых корпораций, с целью ответить на вопрос, в какой мере дореволюционные профессора всходили на кафедру в тех же самых университетах, в каких прежде получали высшее образование и дальнейшую научную квалификацию⁷. Таким образом, статистическое исследование собственно профессорской мобильности в ее строгом смысле, т. е. переходов из одного университета в другой как неотъемлемой части карьеры профессора в дореволюционной России, до сих пор еще не предпринималось.

В настоящей статье путем анализа количественных данных предполагается решить следующие задачи: во-первых, доказать существование профессорской мобильности в университетах Российской империи, во-вторых, рассмотреть динамику ее развития на протяжении всего периода их существования и, в-третьих, описать ее характерные черты, присущие в целом российской университетской системе.

Этот количественный анализ становится возможным благодаря просопографической базе данных «Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII — начало XX в.)»⁸. Структура базы данных была разработана для как можно более полной фиксации параметров образовательной и научной карьеры каждого университетского ученого. Основой для заполнения базы послужили, с одной стороны, фундаментальные биографические справочники, включающие данные о профессорах как по отдельным университетам, так и в общероссийском охвате⁹; с другой стороны, текущие справочные источники

до цифрового следа философского парохода: «Средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Торос: Философско-культурологический журнал*. 2017. № 1–2. С. 111–137; Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017.

⁷ Для обозначения этого фактора Е. В. Ивановой со ссылкой на работы социологов употребляется такой (на наш взгляд, неудачный в исторических работах) термин, как «академический инбридинг»: Она же. Что может дать единая база данных... С. 132. См. также: Ростовцев Е. А. Столичный университет... С. 166.

⁸ База данных создана в рамках гранта РНФ № 18–18–00121 коллективом исследователей из Московского, Санкт-Петербургского и Томского университетов, составители базы данных: А. Ю. Андреев, Д. А. Барин, М. В. Грибовский, И. А. Дунбинский, С. А. Некрылов, Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук, Д. А. Сосницкий, А. О. Степнов, С. Ф. Фоминых, Д. А. Цыганков.

⁹ Императорский Московский университет. 1755–1917: Энциклопедический словарь / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М., 2010; Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917) / отв. ред. Е. А. Ростовцев. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/university.html>; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за 100 лет его существования (1802–1902) / ред. Г. В. Левицкий). Т. 1–2. Юрьев, 1902–1903; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / ред. Н. П. Заголкин. Т. 1–2. Казань, 1904; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / ред. М. Г. Халанский, Д. И. Багалея. Харьков, 1908; Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / ред. И. П. Скворцов, Д. И. Багалея. Харьков, 1905–1906; Физико-математический факуль-

XIX — начала XX в.: адрес-календари «Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения» за 1868–1917 гг., а также списки лиц, служащих по отдельным учебным округам, публикации личного состава университетов¹⁰, обзоры лекций, ежегодные отчеты университетов и т. д. — обращение к этим источникам является особенно ценным в случаях реконструкции биографий профессоров и преподавателей Императорского Варшавского университета и Императорского университета Св. Владимира в Киеве (после 1884 г.), а также других российских университетов после 1903–1905 гг., состав которых не отразился в юбилейных биографических справочниках начала XX в.

Уже в ходе составления такой единой базы университетских профессоров и преподавателей Российской империи было отмечено, что значительное количество имен встречается одновременно в списках нескольких университетов, а это указывало на мобильность профессуры. Для решения задач данного исследования автор статьи составил вспомогательную (производную от основной) базу данных, в которую заносились именно переходы из университета в университет, а основными элементами структуры этой базы данных служили сведения о годах службы в каждом из университетов и занимаемых там должностях (к этим сведениям при необходимости легко добавить иные биографические поля из основной базы данных). Всего в этой базе данных оказалось 522 записи о профессорских переходах, которые относятся к 409 различным ученым.

Прежде чем переходить к анализу этих данных, необходимо максимально четко обозначить его рамки, а также сформулировать ряд ограничений, связанных с объектом исследования — не будь таких ограничений, количество записей могло бы быть существенно больше (хотя и без этого уже выявленные несколько сотен записей гарантируют статистическую значимость результатов).

Что касается хронологических и территориальных рамок, то они определяются общим представлением о системе университетов Российской империи.

тет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / ред. И. П. Осипов, Д. И. Багалея. Харьков, 1908; Юридический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / ред. М. П. Чубинский, Д. И. Багалея. Харьков, 1908; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834–1884) / ред. В. С. Иконников. Киев, 1884; Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск, 1996; Профессори Одесского (Новороссийского) университета: Биограф. слов. / упоряд. та бібліогр. ред. В. В. Самодурова, І. В. Шепельска; Відп. ред. В. А. Сминтина. Одеса, 2000; Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII — начало XX в. Биологические и медико-биологические науки: Биографический словарь. СПб., 2003; Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII — начало XX в. Химические науки: Биографический словарь. СПб., 2004; Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII — начало XX в. Физико-математические науки: Биографический словарь. СПб., 2008; Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Российская профессура. XVIII — начало XX в. Гуманитарные науки: в 3 т. СПб., 2017; Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII — начало XX в. Науки о Земле: Биографический словарь. СПб., 2019.

¹⁰ Например: Университет Св. Владимира. Личный состав университета Св. Владимира за ... г. Киев, 1890–1910.

Она возникает в первые годы XIX века, когда на территории России впервые начинают действовать сразу несколько университетов: к Московскому (1755) добавляется Дерптский (1802), Виленский (1803), Казанский, Харьковский (оба — 1804), а затем Петербургский (1819). Эта система развивается дальше по мере проведения новых реформ в области высшего образования и открытия новых университетов: Св. Владимира в Киеве (1833, фактически пришедшего на смену закрытому в 1832 г. Виленскому университету), Новороссийского в Одессе (1865), Варшавского (1869), Томского (1888), Николаевского в Саратове (1909). Все эти университеты были подведомственны Министерству народного просвещения, их внутренняя и внешняя организация регулировалась однородным законодательством — университетскими Уставами. В этом смысле особое значение имел Общий Устав университетов 1884 г., действие которого было распространено на все российские университеты. Но и в предшествующие десятилетия, когда отдельные университеты (Виленский, Дерптский, позже Киевский, Варшавский) имели собственные Уставы, несколько отличавшиеся от общих, статус профессора, его права, положение в Совете университета, отношение к органам университетского управления и т. д. оставались принципиально неизменными, что позволяло профессорам при любых переходах между университетами чувствовать единство правил университетской жизни (при том, что местные особенности и обстановка, естественно, различались, как, впрочем, и профессорское жалованье значительно зависело от региона Российской империи).

Вне центрального ведомства народного просвещения находились еще два университета, принадлежавшие автономным образованиям в составе Российской империи: Королевский университет в Варшаве (1817–1830) в составе Царства Польского и Императорская академия в Або в составе Великого княжества Финляндского (с 1809 г.), которая в 1827 г. была перенесена в Гельсингфорс и существовала дальше под именем Императорского Александровского университета. Именно в силу того, что эти учебные заведения были решительно отделены от остальных университетов Российской империи и в ведомственном, и в законодательном смысле (каждый из них подчинялся законам соответствующей автономии), их едва ли можно причислить к российской университетской системе. Переходы между ними и другими университетами обнаружены лишь в виде единичных исключений: так, биография профессора хирургии Ю. К. Шимановского (1829–1868) представляет единственный найденный случай перехода в Александровский университет в Гельсингфорсе (куда Шимановский поступил в 1858 г. на должность экстраординарного профессора из приват-доцентуры Дерптского университета и откуда уже в 1861 г. убыл, взоидя на кафедру Киевского университета). Один из адъюнктов Виленского университета получил в 1821 г. профессуру в Королевском университете в Варшаве, а еще один профессор этого университета, уже после его закрытия, с 1841 г. преподавал на кафедре польских законов в Петербургском университете.

Поскольку эти исключения не существенны для общей картины, дальнейшее исследование будет ограничено одиннадцатью вышеназванными университетами, совокупность которых и определяется как университетская система Российской империи. Ее нижняя хронологическая граница, как уже сказано,

относится к началу XIX в. (наиболее ранний переход между университетами в изучаемой базе обнаружен в 1807 г.), а вот верхняя рамка установлена в 1914 году. Дело в том, что военные действия Первой мировой войны затронули в 1915–1917 гг. сразу несколько университетских городов Российской империи, и соответственно мобильность профессоров и преподавателей в эти годы уже не может рассматриваться в нормальном ключе (М. В. Грибовский предложил для нее такой термин, как вынужденная или «неакадемическая» мобильность¹¹). Поэтому в составленной базе переходы после 1914 г. не рассматриваются.

Куда более существенным ограничением, примененным при построении базы данных, служит то, что в ней учтены лишь переходы профессоров непосредственно между университетами, принадлежавшими к обозначенной только что университетской системе Российской империи. Ограничение это естественно — ведь оно вытекает из того, как был определен объект исследования. Но тем самым за пределами изучения остаются переходы между университетами и всеми прочими типами высших учебных заведений Российской империи XIX — начала XX в.: к их числу принадлежали духовные академии, медико-хирургические академии, военные академии, историко-филологические институты, лицеи, высшие технические училища, горные, земледельческие и лесные институты, ветеринарные институты, коммерческие институты, высшие женские учебные заведения и т. д.¹² Такие переходы действительно были, и притом в значительном количестве. Среди них можно обнаружить весьма важные для изучения моделей профессорской карьеры: так, например, приват-доцент юридического факультета российского университета зачастую мог получить профессуру не сразу, а став сперва профессором Демидовского юридического лицея, а уже оттуда перейдя в университет; для историко-филологических факультетов (особенно на Юге и Западе Российской империи) ту же роль играл Нежинский историко-филологический институт; ни в коей мере нельзя принижать значение медико-хирургических академий, а позже Военно-медицинской академии, поставляющих профессоров на медицинские факультеты практически по всей России, и т. д.

Но при широком рассмотрении такой «внеуниверситетской» мобильности российских профессоров возникают трудности. Среди них — нерешенные теоретические проблемы: в какой мере всю массу профессорских должностей дореволюционной высшей школы можно считать однородной? В какой мере статусы университетского профессора и профессора, например, сельскохозяйственной академии были одинаковы? Но существуют и значительные практические трудности учета переходов между университетами и иными вузами — речь идет о случаях совмещения должностей, возможных там, где в одном городе находилось несколько высших учебных заведений (например, очень распространенной была практика совмещения профессур по русской истории, истории Церкви и церковному праву в университетах и духовных академиях Москвы, Петербурга, Киева, Казани). Помимо того, что само по себе совмещение должностей не вхо-

¹¹ Грибовский М. В. Профессорско-преподавательский корпус... С. 207–209.

¹² Подробно о всем многообразии форм высшей школы см.: Иванов А. Е. Высшая школа России... С. 20–158.

дит в представление о мобильности, даже профессорский переход (например, из Казанской духовной академии в Казанский университет) в таком случае едва ли укладывается в изучаемую проблематику: ведь академическая мобильность прежде всего подразумевает географическую смену места пребывания ученого (как это заложено в исходном латинском термине — *Peregrinatio academica*). Ясно, что переходы внутри одной лишь университетской системы лишены такого недостатка — в дореволюционной России университет по определению был единственным в городе (и этим его статус сильно отличался от всех прочих училищ), а его смена означала переезд на значительное расстояние.

Таким образом, «внеуниверситетская» мобильность профессоров оставлена за пределами данного исследования (но может послужить темой отдельной работы). На практике это означает, что в базу данных вносились только переходы из одного университета в другой; те же переходы, где в качестве начальных, конечных или промежуточных звеньев служили иные высшие учебные заведения, не учитывались. По той же логике, не рассматривались и переходы из иностранных или в иностранные университеты, даже если такой университет служил временным местом службы, после которого следовало возвращение на профессорскую кафедру российского университета.

Наконец, чтобы глубже наполнить понятие «профессорская мобильность» конкретным смыслом, остановимся на типологизации переходов, исходя из занимаемых при этом университетских должностей. В историографии уже давно отмечено, что преподавательский состав российских университетов делился на две группы: «старшие» и «младшие»¹³. К «старшим» относились экстраординарные, ординарные, заслуженные штатные профессора, а также сверхштатные профессора и все ученые, занимающие должность профессора с приставкой «и. д.» («исправляющий должность»), что означало отсутствие у них докторской степени. Все это многообразие «старших» позиций в университете далее для краткости будем называть просто «профессора». К «младшим» должностям относились в первую очередь приват-доценты, а также адъюнкты (в 1804–1863 гг.), штатные доценты (в 1863–1884 гг.), прозекторы, лаборанты, хранители кабинетов, относящихся к медицинским или естественным наукам, лекторы языков и проч. Значительная часть ученых, в начале карьеры занимавших «младшие» должности, впоследствии стали профессорами, однако среди «младших» немало было и тех, кто так и не достиг профессуры. В ходе университетской карьеры эти последние также могли менять один университет на другой, но такая, условно говоря, «мобильность приват-доцентуры» в данном исследовании не рассматривалась и лежит за рамками составленной базы данных по переходам между университетами. Туда вносились только ученые, ставшие профессорами российских университетов, и только их мобильность рассматривается ниже.

Для этих ученых возможны три типа переходов. Первый, как правило, начальный для их университетской карьеры — это переход из одного университета в другой, связанный с получением профессуры, т. е. с «младшей» позиции на должность профессора. Второй — это собственно переход между «старшими» позициями, т. е. профессурами различных университетов. Наконец, третий —

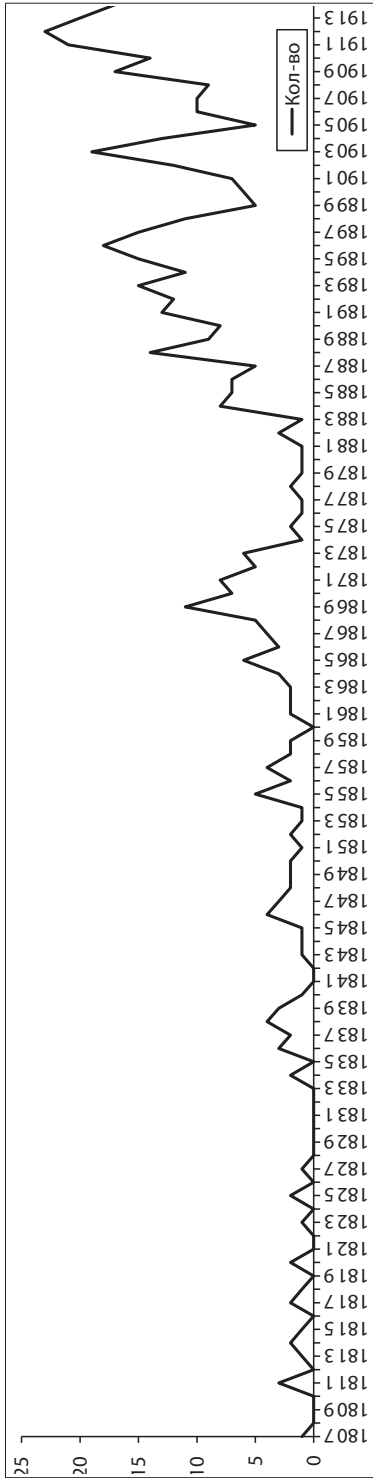
¹³ См., например: Ростовцев Е. А. Столичный университет... С. 122–133.

переход, при котором профессор меняет место службы, переходя в новом университете на «младшую» позицию приват-доцента. Обратим внимание, что если в начале карьеры (или на каком-то ее следующем этапе) один из ученых менял университет, оставаясь при этом на «младшей» позиции, т. е. шел, например, от приват-доцентуры к приват-доцентуре, то такой переход относится к упомянутой выше «мобильности приват-доцентов», оставленной за пределами данного исследования, и, следовательно, в его отношении также действует указанное выше ограничение, а в базу данных он не входит.

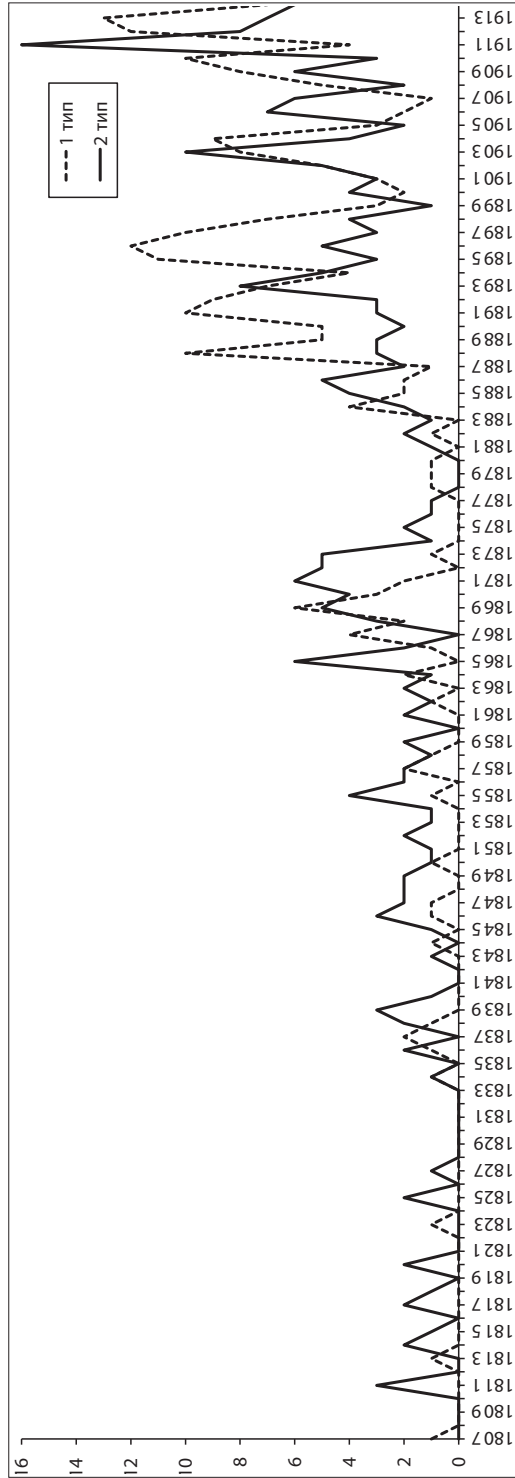
Выявление трех типов переходов, относящихся к «профессорской мобильности», позволяет поставить для них, в свою очередь, группы исследовательских вопросов. При анализе первого типа, когда приват-доцент из одного университета становится профессором в другом университете, речь идет о том, какую роль «академическая мобильность» играет при вхождении на профессорскую кафедру, в какой мере получение профессуры должно было сопрягаться со сменной университетом. Для переходов второго типа особенно важно их распределение внутри университетской системы Российской империи: какой университет профессора предпочитали менять на другой, а где хотели остаться. И вообще, каково было соотношение профессоров, склонных к «перемене мест», и тех, чья профессорская деятельность целиком проходила внутри одного университета? Наконец, третий тип перехода представляет собой интересное и практически не описанное в литературе явление, для которого хотелось бы определить, какие именно причины заставляли профессора одного из российских университетов предпочесть своему статусу место приват-доцента другого университета.

Сформулировав важные в методическом смысле замечания и вопросы, переходим к анализу полного набора данных по профессорским переходам. Их хронологическое распределение представлено на ил. 1, где на горизонтальной оси указан год, соответствующий зачислению на новую должность при переходе. В целом обнаруживается, что с 1807 г. (когда впервые адъюнкт Виленского университета И. Б. Браун был зачислен профессором в Казань) и вплоть до 1914 г. мобильность профессоров все сильнее проявлялась в системе российских университетов, достигнув в 1911–1913 гг. максимальных значений в 20–23 перехода за год. На ил. 2 также показано соотношение переходов первого («приват-доцент — профессор») и второго («профессор — профессор») типов: видно, что общий вывод о нарастании их количества к началу XX в. таков же, как и для суммарной динамики переходов (третий тип переходов будет рассмотрен отдельно ниже) (см. ил. 1–2).

Более детально динамику профессорской мобильности следует интерпретировать, разбивая ее по периодам, соответствующим основным вехам истории университетской системы Российской империи, которые задаются ее Уставами (1802–1804, 1835, 1863, 1884). В начальный период (1802–1835), до реформы, связанной с именем С. С. Уварова, мобильность внутри российских университетов не была, на наш взгляд, существенным фактором их развития. Прямые подсчеты по общей базе данных всех российских профессоров показывают, что в этот период на кафедры вошли 387 человек (назначения затронули семь университетов, включая новообразованный в Киеве). Из этого числа меняли университеты

Ил. 1. Суммарная динамика профессорских переходов. 1807–1914 гг.

Ил. 2. Соотношение профессорских переходов первого и второго типа. 1807–1914 гг.

только 16 ученых (один из них — дважды, а один — трижды), что составляет около 4% от общего количества. Больше половины случаев — 9 переходов — были связаны с тем, что ученые покидали Казанский университет, в том числе вследствие его знаменитого «разгрома», произведенного М. Л. Магницким. Переезжали же чаще всего профессора в Дерптский университет (8 случаев), что подтверждает его высокую репутацию как наиболее привлекательного и в научном, и в материальном плане в данную эпоху¹⁴.

В последующий период, 1836—1863 гг., заметно, как политика С. С. Уварова повлияла на мобильность: количество переходов увеличивается, а среди них относительно большее значение приобретают переходы первого типа, т. е. получение профессуры благодаря перемещению в другой университет. Таким способом профессуру смогли получить пять приват-доцентов из Дерпта и один из Киева, т. е. именно тех университетов, где институт приват-доцентуры первоначально развивался в российской университетской системе¹⁵; еще в нескольких случаях на профессорские кафедры переходили адъюнкты. Всего же из 55 переходов этого периода 13 относятся к первому типу, а 42 — ко второму. Их совершили 50 человек, что составляет уже вполне заметную долю, а именно 15% от полной совокупности ученых (336 человек), получивших в данный период профессорские должности. Следует отметить, что несмотря на такой прогресс, эпоха Уварова еще не создала всех условий, благоприятствовавших мобильности, в особенности при занятии кафедры. Для воспроизводства профессуры здесь существовали специальные правительственные программы, в частности так называемый Профессорский институт при Дерптском университете, откуда молодых ученых распределяли затем на профессорские должности других университетов, но такие механизмы нельзя считать частью университетской мобильности профессуры. Так, записанные в Профессорский институт не являлись преподавателями университета, а, напротив, благодаря правительственной программе были вынесены за пределы его корпорации и по сути представляли собой «внеуниверситетскую аспирантуру»¹⁶.

Не слишком сильно изменилась картина и в 1864—1884 гг., хотя количество переходов выросло, но одновременно выросло и число университетов, а следовательно, и число кафедр, так что полное количество ученых, достигших профессорских должностей в это двадцатилетие составляет по нашим подсчетам 469 человек, из которых 68 человек (т. е. около 14%) совершили 80 переходов между университетами. На ил. 1 в этот период выделяются локальные максимумы в 1865 г. (открытие Новороссийского университета) и 1869 г. (открытие Варшавского университета) — оба этих события означали привлечение туда на профессорские должности профессоров и «младших» преподавателей других университетов, причем, как показывает обзор данных, в Новороссийский уни-

¹⁴ Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 489—492.

¹⁵ Пискунов И. В. Правовое положение российских приват-доцентов (1803—1884) // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 98—116.

¹⁶ Иванов А. Е. Ученое достоинство Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. С. 147.

верситет преимущественно поступали ученые, уже имевшие ранее профессуру, а в Варшавский университет — те, кто только получал при этом профессуру (ср. ил. 2). Наполнение обоих университетов, а также другие переходы активно продолжались до начала 1870-х гг., но после 1874 г. они вновь снижаются до минимального уровня, причем это характерно и для первого, и для второго типа переходов. Несмотря на введение Уставом 1863 г. приват-доцентуры во всех российских университетах, ее роль в мобильности пока очень невелика — приват-доценты в этот период участвовали лишь в 16 переходах на профессорские кафедры, из которых пять раз — в Киев, трижды — в Варшаву, дважды — в Одессу. В восьми случаях штатным доцентам удавалось получить профессуру в другом университете, что также в целом весьма мало и лишь подтверждает негласное правило, по которому доценты становились профессорами в одном и том же университете (тем самым не проявляя мобильности).

И лишь в период 1885–1914 гг., после введения в действие нового общего Устава, мобильность профессоров стала, можно сказать, неотъемлемой чертой системы российских университетов. Здесь были обнаружены 368 переходов между университетами — 190 первого типа, 143 второго типа, 35 третьего типа. Их совершил 291 ученый, что составляет относительно 885 человек, получивших в этот период профессуру, около 33 %. Таким образом, *каждый третий российский ученый, ставший профессором после введения Устава 1884 г., за свою карьеру менял университет* (на самом деле, эта доля еще несколько выше за счет не учитываемой здесь «внеуниверситетской мобильности» и прочих ограничений, оговоренных в начале статьи).

Корректность этой оценки проверим на примере Московского университета: путем прямого подсчета по единой базе данных выясняется, что в нем с 1885 по 1914 г. на профессорские кафедры взошли 124 человека, из которых 46 ученых совершали переходы между университетами — их доля составляет 37%, что хорошо согласуется с вышеприведенной средней оценкой.

При этом для новых составляющих российской университетской системы, таких как Томский университет, этот процент был еще выше. Томская профессура формировалась по большей части из приват-доцентов (и реже профессоров) остальных университетов. Из 85 профессоров Томского университета до 1914 г. включительно 42 человека, т. е. практически половина, перешли сюда из других российских университетов, причем в подавляющем большинстве (38 случаев) с позиций приват-доцентов. В той же мере такая мобильность характерна и для новооснованного Императорского Николаевского университета в Саратове в 1909–1914 гг.

Важным представляется следующее явление: именно в рассматриваемом периоде переходы первого типа начинают преобладать над остальными (см. также ил. 2). Практически все они (182 из 190) — это именно переходы из приват-доцентуры одного университета на профессорскую кафедру другого, и их существенно больше, чем переходов между профессорскими кафедрами. Данный факт свидетельствует о качественном изменении роли приват-доцентов в университетской системе: российская приват-доцентура в конце XIX — начале XX в. не только доказывает, что эффективно готовит профессоров, но она также спо-

собствует и их мобильности. Конечно, полная интерпретация этому может быть дана только с помощью детального изучения политики Министерства народного просвещения по замещению вакантных кафедр. Роль министерства, которое, согласно Уставу 1884 г., было вправе самостоятельно решать, куда именно назначать кандидата на профессорское место, здесь действительно велика: отдельные примеры показывают, что приват-доценты после возвращения из заграничной командировки, знаменовавшей окончание их подготовки к занятию кафедры, довольно часто назначались профессорами (или и. д. профессора) в «чужой» университет, а не в тот, где прежде вели преподавание. В то же время встречаются и замещения профессорской должности путем открытого конкурса (утверждавшегося потом в министерстве), на который подавали заявки приват-доценты из различных университетов.

О том, что политика министерства в данный период весьма существенно влияла на мобильность профессоров свидетельствует и резкое увеличение количества переходов в 1911 г. После коллективной отставки профессоров Московского университета, вызванной действиями министра Л. А. Кассо, и ее отголосков в Петербургском и других университетах¹⁷ в масштабе всей университетской системы Российской империи образовалось значительное количество вакантных кафедр, что вызвало массовое перемещение на них профессоров и приват-доцентов. Как показывает ил. 1, этот процесс затронул не только 1911 г., но и последующие, вплоть до начала Первой мировой войны. Несколько труднее интерпретировать два других заметных всплеска на ил. 1 — один приходится на 1903 г. и явно связан с предреволюционной активностью в отечественных университетах (и соответствующей реакцией на нее со стороны министерства), а вот другой — на 1895–1897 гг., и его не удастся однозначно привязать к каким-либо событиям. Впрочем, с исторической точки зрения корректнее было бы интерпретировать на этом графике не всплески, а *провалы*. В таком случае можно счесть, что российская университетская система выходит к 1895 г. на некоторый более-менее постоянный уровень профессорской мобильности, но события 1899–1902 гг., а затем 1905–1907 гг., когда вследствие массовых студенческих волнений университеты на долгое время оставались закрытыми, прервали эту мобильность с тем, однако, что в последующие годы она смогла быстро восстановиться до прежнего уровня.

Еще одним новым фактом служит то, что для российской университетской системы в конце XIX — начале XX в. оказываются свойственны и переходы третьего типа — с профессорских должностей в приват-доценты (в 1885–1914 гг. они составляют почти 10% от общего числа переходов между университетами). Первый обнаруженный в базе данных случай, когда профессор Харьковского университета Б. А. Дорн занял место лектора восточных языков в Петербургском университете, относится еще к 1838 г. Все последующие случаи такого рода

¹⁷ Ростовцев Е. А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 473–507; Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Сидорчук И. В. Кризис 1911 года в провинциальных университетах // Былые годы: Российский исторический журнал. 2019. № 54 (4). С. 1877–1886.

представляют собой именно переход из профессоров в приват-доценты: в 1878 г. покинувший Киев В. И. Модестов становится приват-доцентом историко-филологического факультета Петербургского университета, а с 1884 г. такие переходы начинают происходить почти ежегодно. Всего их насчитывается 39, и весьма показательным служит распределение а) тех университетов, откуда профессора уходят, и б) тех университетов, куда эти бывшие профессора попадают, пусть даже теперь в качестве приват-доцентов. А именно:

а) в восьми случаях отъезд происходил из Казанского университета, столько же раз — из Дерпта, семь раз — из Варшавы, шесть раз — из Томска; на каждый же из остальных университетов приходится лишь один или два случая. Отсюда мы можем сделать предварительный вывод об «отрицательной» привлекательности этих университетов в конце XIX — начале XX в., т. е. желании их покинуть даже ценой утраты профессорского статуса (чуть ниже общий «вектор» переходов для этих университетов будет проверен на полном массиве данных);

б) подавляющее большинство переходов (29 из 39) соответствовало поступлению приват-доцентом в Петербургский университет, также в восьми случаях профессор переходил приват-доцентом в Московский университет и лишь по одному разу — в Киев и в Одессу.

Почему же профессора провинциальных университетов соглашались на место приват-доцента в столичных университетах? Наиболее простое объяснение — за этим стоит желание покинуть ту среду, которая недостаточно соответствовала их представлениям о развитии академической карьеры. Так, Р. Ю. Виппер, ставший экстраординарным профессором Новороссийского университета, писал своему учителю В. И. Герье из Одессы: «Вы не можете себе представить, как меня тяготит здешний Университет, этот центр интриги и мелочности... На факультете распоряжается клика, которая покровительствует бездарности и пролазничеству, распределяет в своей среде материальные блага и повышения и отравляет своим поведением атмосферу... Об ординатуре моей не может быть и речи, пока сидит нынешний декан, а он сидит крепко и идет к ректорству»¹⁸. Тем самым и научные потребности Виппера, и его карьерные устремления (повышение до ординарного профессора) оказывались в противоречии с обстановкой в университете, поэтому он принял решение перейти приват-доцентом в Московский университет в надежде здесь вновь получить профессию¹⁹.

Но помимо такого рода «кризисных» переходов стоит обратить внимание на то, что столичная образовательная среда предоставляла ученому разнообразные возможности. Так, уже Б. А. Дорн был зачислен лектором санскрита в Петербургском университете, преподавая в то же время восточные языки в Азиатском департаменте МИД по приглашению С. С. Уварова. В. И. Модестов стал университетским приват-доцентом одновременно с получением профес-

¹⁸ Цит. по: Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 343, 345, 347.

¹⁹ Цыганков Д. А. Роберт Виппер и сообщество московских историков в предреволюционную эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета: История. 2019. Т. 64. № 1. С. 222–234.

сурской должностью в Петербургской духовной академии. В Петербурге или Москве конца XIX — начала XX в. ученые могли быть одновременно и приват-доцентами университетов, и профессорами ВЖК, ИМТУ, Горного института, Земледельческой академии и других вузов, которые здесь присутствовали в достаточном количестве. Кроме того, приват-доценту в Петербургском университете мог получить профессор, избранный членом Академии наук или перешедший на службу в департамент народного просвещения, но не желающий оставлять преподавание.

Рассмотрим теперь распределение профессорских переходов по факультетам, для этого послужит таблица 1.

Таблица 1

Факультет	Приват-доцент→ профессор		Профессор→ профессор		Профессор→ приват-доцент		ВСЕГО	
	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Историко-филологический	43	18%	63	25%	12	31%	118	22%
Медицинский	86	37%	55	22%	4	10%	145	28%
Физико-математический	67	28%	56	23%	12	31%	135	26%
Юридический	40	17%	73	30%	11	28%	124	24%
ВСЕГО	236	100%	247	100%	39	100%	522	100%

Все переходы распределены по трем вышеуказанным типам, суммарные данные представлены в правом столбце. При этом были сделаны упрощения, не влияющие на общую картину. Так, профессора факультета восточных языков Петербургского университета считаются здесь вместе с профессорами историко-филологических факультетов; существовавший в российских университетах в 1804–1835 гг. нравственно-политический факультет складывается с юридическим (что, строго говоря, не совсем корректно).

Совокупные данные справа показывают примерно равный между собой вклад в профессорскую мобильность со стороны всех факультетов. Между тем более внимательное рассмотрение разных типов переходов выявляет, что среди приват-доцентов, получающих кафедры в другом университете, большинство были медики, затем шли представители физико-математического факультета и лишь потом, с заметным отставанием — историко-филологического и юридического факультетов. Такая картина отражает общий состав российской приват-доцентуры, где преобладали медики, и это означает, что механизм, когда мобильность помогала получению профессуры, работал одинаково, независимо от факультета. Тем интереснее, что среди переходов собственно между профессорами лидируют юристы, а следом идут историки и филологи — как раз такая картина не совпадала с общим распределением по кафедрам, и, следовательно, можно сделать значимый вывод, что именно профессора этих двух факультетов были наиболее мобильны в период нахождения в своих должностях. Наконец,

обращает на себя внимание почти полное отсутствие представителей медицинского факультета среди переходов из профессуры в приват-доцентуру. Если сопоставить это со сказанными выше словами о привлекательности столичной образовательной инфраструктуры, становится ясно, что она давала больше возможностей (в том числе, благодаря Академии наук) для перехода в приват-доцентуру провинциальным профессорам гуманитарных и естественных наук, нежели медикам.

Перейдем к исследованию того, какой вклад в профессорскую мобильность вносили отдельные университеты.

Таблица 2

Ун-т	Варшава	Вильно	Дерпт	Казань	Киев	Москва	Одесса	Петербург.	Саратов	Томск	Харьков	ВСЕГО
Варшава			2	6	5	8	4	6		2	3	36
Вильно				1							1	2
Дерпт	3			5	11	9	3	11	2	1	3	48
Казань	10	1	10		8	12	10	21	9	10	13	104
Киев	4		4	6		11	3	12	1	6	12	59
Москва	10		15	4	3		9	6	4	11	9	71
Одесса	6		7	5	2	10		11	3	1	2	47
Петербург	7		14	8	10	5	16			4	3	67
Саратов				2	1	1						4
Томск	3			2	2	4		6			4	21
Харьков	7		5	3	12	6	12	8	3	7		63
ВСЕГО	50	1	57	42	54	66	57	81	22	42	50	522

В таблице 2 показано суммарное распределение по университетам для переходов всех трех типов, строки соответствуют университетам, откуда выходили, а столбцы — куда переходили. Видно, что среди университетов, откуда уезжают ученые, со значительным перевесом лидирует Казань (обращает внимание 21 случай переходов оттуда в Петербургский университет, среди которых казанские профессора-востоковеды, переведенные в Петербург в 1855 г., составляют заметную часть, но отнюдь не большинство). Также значительное количество ученых покинуло Москву, Петербург, Харьков, Дерпт, Одессу и Варшаву. Среди университетов, куда переезжали профессора, резко выделяются Петербург и Москва, за которыми следуют Дерпт, Одесса, Киев.

Детальнее интерпретировать эту картину помогают следующие таблицы. В таблице 3 учтены только переходы типа «приват-доцент — профессор».

Таблица 3

Ун-т	Варшава	Дерпт	Казань	Киев	Москва	Одесса	Петербург	Саратов	Томск	Харьков	ВСЕГО
Варшава		1	3						2	1	7
Вильно			1								1
Дерпт	3		4	6		2		2	1	2	20
Казань	4	1		1	3	1	2	5	9	2	28
Киев	4	3	6		1	1	1	1	6	6	29
Москва	10	13	1	2		7	1	4	11	8	57
Одесса	3	6	5		1			3			18
Петербург	6	14	8	8	2	14			4	2	58
Томск	1		1		1						3
Харьков	2	1	1	2				3	6		15
ВСЕГО	33	39	30	19	8	25	4	18	39	21	236

Из нее видно, что приват-доценты в подавляющем большинстве уезжали из Московского и Петербургского университетов, чтобы получить профессорские кафедры в Дерпте, Томске, Варшаве, Казани и Одессе. К наиболее выделяющимся в таблице относятся переходы из московских приват-доцентов в профессию Томска, Дерпта и Варшавы, а также переходы петербургских приват-доцентов профессорами в Дерпт и Одессу.

Если же оставить только собственно переходы между профессорскими должностями, то их статистика отражена в таблице 4.

Таблица 4

Ун-т	Варшава	Вильно	Дерпт	Казань	Киев	Москва	Одесса	Петербург	Саратов	Томск	Харьков	ВСЕГО
Варшава			1	3	5	6	3	2			2	22
Вильно											1	1
Дерпт				1	5	8	1	4			1	20
Казань	6	1	9		7	8	9	12	4	1	11	68
Киев			1			10	2	10			6	29
Москва			2	3	1		2	3			1	12
Одесса	3		1		2	8		8		1	2	25
Петербург	1				2	2	2				1	8
Саратов				2	1	1						4
Томск	2			1	1	1		3			4	12
Харьков	5		4	2	10	6	12	6		1		46
ВСЕГО	17	1	18	12	34	50	31	48	4	3	29	247

Она качественно отличается от суммарной таблицы 2. Поскольку мы исключили из нее переходы из приват-доцентуры, то, как видно, выезд профессоров из Московского и Петербургского университетов весьма незначительный. Это позволяет определить именно те университеты, из которых профессора уходили, пытаясь отыскать лучшие условия для службы в других городах: здесь речь идет о Казанском и Харьковском университетах (к которым относится почти половина всех переходов), а также об университетах Киева, Одессы, Варшавы и Дерпта. Из них профессора в большинстве случаев переходили в Москву или Петербург, а также в Киев или Одессу. Чаще других встречаются переезды профессоров из Казани в Петербург, из Харькова в Одессу и из Харькова в Киев — последние два в рамках юга Российской империи, где можно говорить о своего рода «соседстве» университетов.

Отметим также, что для Казанского и Харьковского университетов количество отъездов профессоров значительно больше, чем приездов (в Казани — более чем в пять раз!). Иными словами, ученые гораздо чаще старались покинуть эти университеты, нежели туда перебраться. В то же время для университетов в Киеве и Одессе эти показатели не слишком отличаются, в них прибыло примерно столько же профессоров, сколько и убыло. Для Московского же и Петербургского университетов картина обратная — приезд сюда профессоров значительно превышает их отъезд.

Можно попытаться интерпретировать это явление, исходя из концепции, разработанной в истории немецких университетов XIX в., где было введено их деление на «отправные», «пересадочные» и «конечные», в зависимости от траекторий профессорских переходов²⁰. Составленная база данных по профессорским переходам позволяет отработать сходную методику. 96 из 409 профессоров, совершавших эти переходы, по несколько раз меняли университеты, при этом чаще всего их путь заканчивался в Московском или Петербургском университете (соответственно 30 и 24 случая), что без сомнения позволяет называть их «конечными» в том смысле, что профессора стремятся туда попасть и служат далее в этих университетах до конца своей карьеры. При этом, если мы рассмотрим университеты, в которых эти 96 ученых получали свою первую профессорскую должность и откуда затем переходили в иное место, то здесь лидирует вновь Казань (24 случая), а затем идут Дерпт (19), Харьков (12), Варшава (11) и Томск (10). Все эти университеты можно назвать «отправными» — найти профессуру было здесь легче в сравнении со столичными университетами, и, взяв такой «старт», многие ученые затем стремились их покинуть, чтобы продолжить карьеру в другом университете. Наконец, если рассмотреть только перемещения между тремя и более городами, то в качестве промежуточных чаще всего встречаются университеты Киева и Одессы — этот вывод согласуется с полученным выше примерно равным соотношением в них прибывших и выехавших профессоров. Эти два университета тем самым хорошо подходят под категорию «пересадочных».

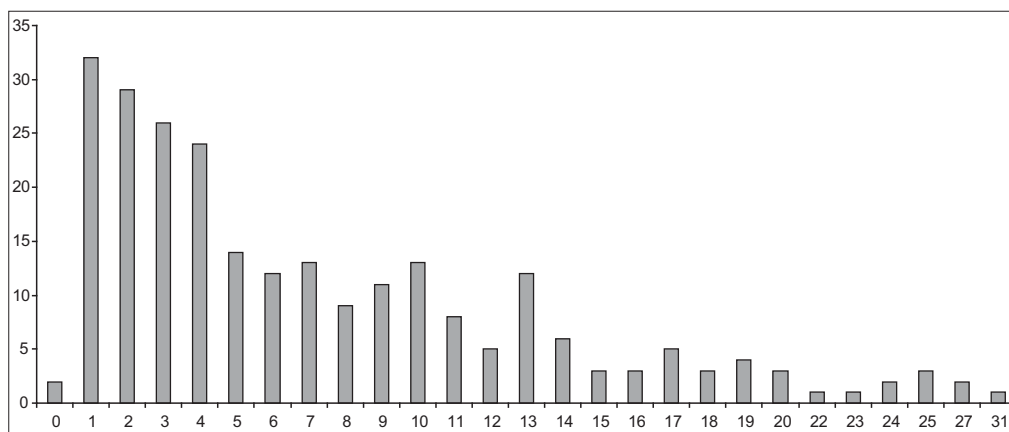
²⁰ Baumgarten M. Professoren- und Universitätsprofile im Humboldt'schen Modell 1810–1914 // Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert (hrsg. von R.Ch. Schwinges). Basel, 2001. S.108.

В заключение остановимся на вычислении временных характеристик для профессорских переходов. Для переходов первого типа время, предшествующее получению профессуры, составляет 3–4 года (наиболее часто встречающиеся значения). На наш взгляд, это означает, что большинство приват-доцентов в переходах рассматриваемого типа становились профессорами по окончании института «профессорских стипендиатов», и зафиксированный срок просто соответствует длительности такой подготовки в конце XIX — начале XX в.²¹

Более интересно рассмотреть переходы второго типа и вычислить средний срок пребывания в профессорской должности перед сменой университета. Полное распределение по этому параметру представлено на ил. 3. Медианное значение данного распределения — 5 лет (по достижении этого срока половина из рассматриваемых профессоров покидала университет). Если отдельно вычислить этот параметр для «отправных» и «пересадочных» университетов, то принципиальной разницы здесь нет — для Казани и Дерпта он составляет четыре года, для Киева и Одессы — пять лет, для Варшавы — шесть лет и лишь для Харькова поднимается до семи лет.

Таким образом, *по истечении в среднем пяти лет в одном университете у части профессоров возникала потребность и находилась возможность продолжения карьеры в другом университете.* Помимо уже обсуждавшихся академических конфликтов к смене университета профессора могло подтолкнуть и желание повысить жалование (например, получить региональную прибавку в Варшавском и Томском университетах), возможность перейти с должности экстраординарного на должность ординарного профессора (если аналогичные вакансии в «своем» университете были закрыты) и т. п.

Обратим также внимание на «хвост» распределения (ил. 3). Он указывает на несколько десятков случаев, когда ученые оставляли университет, прослужив в профессорской должности 15 и более лет. Можно предположить, что в

Ил. 3. Распределение переходов между профессорами по времени пребывания в первой должности (по горизонтальной оси — годы, по вертикальной — количество случаев)

²¹ Иванов А. Е. Ученое достоинство... С. 321–323.

таких случаях истекало предельное время их службы по ведомству народного просвещения, после чего их должны были вывести за штат в своем университете. Переходя же на штатную профессорскую должность другого университета, они получали возможность продолжить карьеру, сохранив свой прежний статус и жалованье. Этим, впрочем, пользовались и сами университеты, приглашая к себе маститых университетских ученых, которые вышли в отставку в университетах, где прежде служили: так, например, в Московском университете появился историк М. С. Куторга, до этого 31 год занимавший профессорскую кафедру в Петербурге, и филолог А. И. Кирпичников, который 20 лет был профессором в университетах Харькова и Одессы.

Наконец, рассмотрев переходы третьего типа, из профессуры в приват-доцентуру, находим, что медианой для них являются восемь лет, причем свыше четверти всех случаев это профессора, служившие в своих должностях от 15 до 25 лет. Это также подчеркивает, что приват-доцентура столичных университетов (и параллельная служба в Академии наук или других вузах) могла быть альтернативой для продолжения карьеры профессоров, достигавших предельного срока службы в провинциальных университетах.

Итак, проведенное исследование впервые на количественных данных помогло оценить уровень профессорской мобильности внутри системы университетов Российской империи в XIX — начале XX в. Было показано, что до введения общего Устава 1884 г. уровень этой мобильности был достаточно низким (до 1835 г. — совсем небольшим), но в конце XIX в. стремительно вырос, а в первые десятилетия XX в. продолжал расти. Примерно каждый третий профессор этого периода менял университет в ходе своей карьеры. Сравнивая эту картину с другими странами Европы, следует скорректировать слишком категоричное утверждение Т. Маурер, что «если в Германии неоднократные переходы профессоров в другие университеты составляли необходимую часть нового механизма — системы состязательности в сфере науки, то в России об этом еще и речи не шло»²². Да, хотя «научное состязание» при занятии кафедры в России еще только развивалось (его изучение не входит в тематику статьи), тем не менее обнаруженный значительный уровень профессорской мобильности свидетельствует о том, что и в системе российских университетов на рубеже XIX–XX вв. шли процессы, сходные с процессами в немецких университетах, а общий вектор развития был одним и тем же, проистекая из самой сути модели «классического университета»²³.

Существенным механизмом мобильности явилась открывшаяся после 1884 г. возможность для приват-доцентов искать и получать профессуру в различных университетах Российской империи, а также целенаправленная политика Министерства народного просвещения по их распределению на профессорские кафедры в масштабах всей университетской системы. При этом наибольшие шансы получить такие кафедры имели приват-доценты Московского и Петербургского университетов, а направлялись они преимущественно на окраины империи, в Варшаву, Дерпт и Томск.

²² Маурер Т. «Барометры» или «маяки»... С. 107.

²³ Андреев А. Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие. Часть 2 // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 118.

Еще одним обнаруженным механизмом мобильности служили переходы с профессорских должностей в приват-доцентуру других университетов — в большинстве случаев речь шла о столичных, в Москве и Петербурге. Такой «неравноценный» переход привлекал ученых благодаря обширным возможностям, которые предоставляла столичная научная и образовательная среда для получения иных, внеуниверситетских должностей.

Что касается собственно переходов между профессорскими должностями разных университетов, то относительно большей мобильностью здесь обладали профессора историко-филологических и юридических факультетов. Чаще всего в таких случаях профессора покидали Казанский и Харьковский университеты — их (вместе с вышеназванными Варшавским, Дерптским и Томским, которые, как правило, предоставляли ученым первую профессорскую кафедру) можно назвать «отправными» университетами. При этом «конечными» университетами, где завершалась карьера профессоров, являлись оба столичных — Московский и Петербургский. Университеты же Киева и Одессы, где и приезд, и отъезд профессоров стабильно находились на высоком уровне, можно назвать «пересадочными» — профессора там задерживались ровно столько, сколько требовалось, чтобы ощутить необходимость нового переезда (средний срок их пребывания составлял пять лет). Схожую мысль мы находим в воспоминаниях В. И. Модестова: «Если б я имел сколько-нибудь ясное понятие о положении вещей в Киевском университете, я никогда бы не решился сделаться профессором университета св. Владимира. Но, чтобы получить это понятие, необходимо было самому видеть и испытать на себе особенности киевской университетской жизни»²⁴. Теперь, однако, проведенные количественные подсчеты наполняют это и другие оценочные суждения из источников об университетской профессуре новым, гораздо более точным смыслом.

Список литературы

- Андреев А. Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие. Часть 2 // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 110–119.
- Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
- Грибовский М. В. Дореволюционный российский университет в современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета: История. 2019. Т. 64. № 1. С. 192–210.
- Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М., 1991.
- Иванов А. Е. Ученое достоинство Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016.
- Иванова Е. В. Что может дать единая база данных по профессуре дореволюционной России исследователям академической мобильности // Социология в действии — 2014. Избранные материалы VI социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / отв. ред. М. Р. Демин. СПб., 2014. С.131–141.
- Иванова Е. В. Попытка построения каузальной модели кадровой динамики профессорско-преподавательского состава дореволюционной России // Социология в действии —

²⁴ Профессор В. И. Модестов. Воспоминания, письма... С. 61.

2015. Избранные материалы VII социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / отв. ред. М. Р. Демин. СПб., 2015. С.118–136.
- Костина Т. В., Куприянов А. В. Рост или отставание? Динамика численности преподавательского состава Дерптского университета (1803–1884) // Вестник Санкт-Петербургского университета: История. 2016. № 3. С. 31–45.
- Костина Т. В., Куприянов А. В. Кадровая политика попечителей Казанского учебного округа и динамика возрастного состава профессоров Казанского университета в 1804–1884 гг. // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 925–941.
- Куприянов А. В. От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «Средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Toros: Философско-культурологический журнал*. 2017. № 1–2. С. 111–137.
- Лоскутова М. В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в.: сб. статей / отв. сост. А. Ю. Андреев, отв. ред. А. В. Доронин. М., 2009. С. 183–221.
- Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.
- Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–4. М., 2002–2003.
- Пискунов И. В. Правовое положение российских приват-доцентов (1803–1884) // Вестник ПСТГУ. Сер.: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 98–116.
- Посохов С. И. Университет и город в Российской империи. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. Харьков, 2014.
- Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Сидорчук И. В. Кризис 1911 года в провинциальных университетах // Былые годы: Российский исторический журнал. 2019. № 54 (4). С. 1877–1886.
- Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017.
- Ростовцев Е. А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 473–507.
- Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX в. / общ. ред. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М., 2012.
- Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010.
- Цыганков Д. А. Роберт Виппер и сообщество московских историков в предреволюционную эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета: История. 2019. Т. 64. № 1. С. 222–234.
- Щетинина Г. И. Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976.
- Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985.
- Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX века. М., 1993.
- Baumgarten M. Professoren- und Universitätsprofile im Hubboldt'schen Modell 1810–1914 // Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert (hrsg. von R.Ch. Schwinges). Basel, 2001. S.105–129.
- Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Seriiia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2020. Vol. 97. P. 68–93
DOI:

Andrei Andreev,
Doctor of Sciences in History,
Professor,
Department of Russian History
of the 19th — Early 20th Century,
Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosovskiy prospekt, Moscow,
119991, Russian Federation;
Leading Researcher,
Laboratory for Social and Anthropological Research,
Faculty of Historical and Political Studies,
Tomsk State University
36 Prospekt Lenina, Tomsk,
634050, Russian Federation.
andrv@hist.msu.ru
ORCID: 0000-001-7075-6637

MOBILITY OF PROFESSORS IN THE UNIVERSITY SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 19TH AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

A. ANDREEV

Abstract: The article is devoted to the study of a general and topical problem in the history of Russian universities, namely professors' mobility, i.e. relocation of professors between universities of the Russian Empire in the course of their academic careers. This process has been studied throughout the entire existence of the system of Russian universities up to 1914. The spatial scope of the work includes all universities of the Russian Empire subordinated to the Ministry of Public Education and subject to similar legislation, which provides a unified view of them as a university system. For the most complete and detailed study of mobility, on the basis of a complete prosopographic database of Russian professors, an auxiliary database was compiled, which collected information about those of them who moved from one university to another. Data on 522 such professorial transitions are analyzed using graphs and tables. The general dynamics of the process was revealed, which made it possible to prove that in the late XIX — early XX centuries. mobility was an essential and very common phenomenon for the career of a university professor in Russia. Shown is the role that mobility played when privat-docents received free professorial positions. The reverse process was also discovered, when professors moved to another university for the position of privat-docent, compensating for the loss of status with other capabilities of the scientific and educational system. The distribution of transitions between specific universities was also constructed, pairs were identified between which these transitions were especially frequent, universities were revealed where the number of professors who left from there was the most high, and, on the contrary, universities, where a significant number of scientists moved to. Chains of transitions were also considered, which could reach up to three or four subsequent transfers between universities. Based on this analysis, a conclusion was made about the presence of several types — «starting», «transferring» and «terminal» universities in the Russian Empire. The average duration of a professor's

position before transferring to another university was calculated; Based on its general distribution, various groups of reasons are shown that stimulated both young and age scientists to change their place.

Keywords: Russian universities, professors, academic mobility, transitions, databases, prosopography, dynamics.

References

- Andreev A. (2005) “«Natsional’naia model’» universitetskogo obrazovaniia: vznikovlenie i razvitiie (chast’ 2)” [“National model” of university education: emergence and development (part 2)]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2, p. 110–119 (in Russian).
- Andreev A. (2009) *Rossiiskie universitety XVIII — pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoi istorii Evropy* [Russian universities of the 18th — first half of the 19th centuries in the context of European university history]. Moscow (in Russian).
- Andreev A., Posokhov S. (eds) (2012) *Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII — pervoi poloviny XIX veka* [University in the Russian Empire of the 18th — first half of the 19th centuries]. Moscow (in Russian).
- Baumgarten M. (2001) Professoren- und Universitätsprofile im Humboldt’schen Modell 1810–1914, in Schwinges R. (ed.) *Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert*. Basel, p. 105–129 (in German).
- Gribovskii M. (2019) “Dorevoliutsionnyi rossiiskii universitet v sovremennoi istoriografii” [Pre-revolutionary Russian University in modern historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 64, 1, p. 192–210 (in Russian).
- Eimontova R. (1985) *Russkie universitety na grani dvukh epoch* [Russian universities on the verge of two eras]. Moscow (in Russian).
- Eimontova R. (1993) *Russkie universitety na putiakh reformy: Shestidesiatye gody XIX veka* [Russian universities on the way of reform: the sixties of the 19th century]. Moscow (in Russian).
- Ivanov A. (1991) *Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Higher school of Russia in the late 19th — early 20th centuries]. Moscow (in Russian).
- Ivanov A. (2016) *Uchenoe dostoinstvo Rossiiskoi imperii. XVIII — nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaia attestatsiia professorov i prepodavatelei vysshei shkoly* [Scientific merit of the Russian Empire. 18th — early 20th centuries. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education]. Moscow (in Russian).
- Ivanova E. (2014) “Chto mozhet dat’ edinaia baza dannykh po professure dorevoliutsionnoi Rossii issledovateliam akademicheskoi mobil’nosti” [What can a unified database on professorship of pre-revolutionary Russia give to researchers of academic mobility], in Demin M. (ed.) *Sotsiologiiia v deistvii — 2014. Izbrannye materialy VI sotsiologicheskoi mezhvuzovskoi konferentsii studentov i aspirantov*. St.-Petersburg, p. 131–141 (in Russian).
- Ivanova E. (2015) “Popytka postroeniia kauzal’noi modeli kadrovoi dinamiki professorsko-prepodavatel’skogo sostava dorevoliutsionnoi Rossii” [An attempt to build a causal model of personnel dynamics for the teaching staff of pre-revolutionary Russia], in Demin M. (ed.) *Sotsiologiiia v deistvii — 2015. Izbrannye materialy VII sotsiologicheskoi mezhvuzovskoi konferentsii studentov i aspirantov*. St.-Petersburg, pp. 118–136 (in Russian).
- Kostina T., Kupriianov A. (2016) “Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of University of Dorpat (1803–1884)”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii*, 3, pp. 31–45 (in English).
- Kostina T., Kupriianov A. (2017) “Kadrovaia politika popechitelei Kazanskogo uchebnogo okruga i dinamika voznrastnogo sostava professorov Kazanskogo universiteta v 1804–1884 gg.” [Personnel policy of superintendents of Kazan educational district and dynamics of age struc-

- ture of Kazan University professors in 1804–1884]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 159, 4, pp.925–941 (in Russian).
- Kupriianov A. (2017) “Ot prosopografii universitetskoi professury do tsifrovogo sleda filosofskogo parokhoda: «Srednie dannye» i formal’nye podkhody v istorii nauki” [From prosopography of university professors to the digital footprint of a philosophical steamer: «Average data» and formal approaches in the history of science] *Topos. Filosofsko-kul’turologicheskij zhurnal*, 1–2, pp. 111–137 (in Russian).
- Loskutova M. V. “Geograficheskaja mobil’nost’ professorov i prepodavatelej rossijskikh universitetov vtoroj poloviny XIX v.: problemy i predvaritel’nye rezul’taty issledovaniia” [Geographic mobility of professors and teachers of Russian universities in the second half of the 19th century: problems and preliminary results of the study], in Andreev A., Doronin A. (eds) *«Byt’ russkim po dukhu i evropeitsej po obrazovaniiu». Universitety Rossijskoi imperii v obrazovatel’nom prostranstve Tsentral’noi i Vostochnoi Evropy XVIII — nachala XX v.* Moscow, pp. 183–221 (in Russian).
- Maurer T. (1998) *Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte.* Köln/Weimar/Wien (in German).
- Maurer T. (2015) «Barometry» ili «maiaki» obshchestva? *Izbrannye stat’i po sotsial’noi istorii russkikh i nemetskikh universitetov* [«Barometers» or «Beacons» of Society? Selected articles on the social history of Russian and German universities]. Moscow (in Russian).
- Petrov F.A. (2003) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniia v Rossii* [Formation of the system of university education in Russia]. Moscow, vol.1–4 (in Russian).
- Piskunov I. (2014) “Pravovoe polozhenie rossijskikh privat-dotsentov (1803–1884)” [Legal status of Russian privat-docents (1803–1884)]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 59, pp. 98–116 (in Russian).
- Posokhov S. (2014) *Universitet i gorod v Rossijskoi imperii. Vtoraia polovina XVIII — pervaja polovina XIX veka* [University and city in the Russian Empire. Second half of the 18th — first half of the 19th century]. Khar’kov (in Russian).
- Rostovtsev E., Barinov D., Sidorchuk I. (2019) “Krizis 1911 goda v provintsial’nykh universitetakh” [Crisis of 1911 in the provincial universities]. *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal*, 54, pp. 1877–1886 (in Russian).
- Rostovtsev E. (2012) “1911 god v zhizni universitetskoj korporatsii (vlast’ i Sankt-Peterburgskij universitet)” [1911 in the life of a university corporation (Government and St. Petersburg University)], in Dvornichenko A. (ed.) *Kafedra istorii Rossii i sovremennaja otechestvennaja istoricheskaja nauka.* St.-Petersburg, pp. 473–507 (in Russian).
- Rostovtsev E. (2017) *Stolichnyi universitet Rossijskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast’ (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Capital University of the Russian Empire: Academic Estate, Society and Power (second half of the 19th — early 20th centuries)]. Moscow (in Russian).
- Shchetinina G. (1976) *Universitety v Rossii i Ustav 1884 goda* [Universities in Russia and the Statute 1884]. Moscow (in Russian).
- Tsygankov D.A. (2010) *Professor V.I. Ger’e i ego ucheniki* [Professor V.I. Guerrier and his students]. Moscow (in Russian).
- Tsygankov D. A. (2019) “Robert Vipper i soobshchestvo moskovskikh istorikov v predrevoliutsionnoi epokhu” [Robert Wipper and the community of Moscow historians in the pre-revolutionary era]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia*, 64, 1, pp. 222–234.